
ТЕКСТ И ДИСКУРС

УДК

ВЫБОР ДЕТЕРМИНАТИВА ПРИ АНАФОРЕ В РУССКОМ И ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКАХ*

Р.А. Говорухо

Российско-итальянский учебно-научный центр РГГУ
ул. Чаянова, 15-7, Москва, Россия, 125267

В работе определяются тенденции узуса, существующие в итальянском и русском языках при построении анафорических конструкций. Принципиальная разница наблюдается в выборе детерминатива, что в свою очередь влияет на степень связности элементов текста.

Ключевые слова: анафорические отношения, указательные детерминативы, определенный артикль, именная группа.

1. Анафорическая структура состоит из двух основных элементов — антецедента и повтора (анафора), между которыми могут устанавливаться отношения корреферентности. Содержанием анафорической связи является либо тождество объектов, обозначенных именными группами, либо лексическое тождество самих именных групп (далее — ИГ). В последнем случае обычно говорят о равнолексемности. В роли детерминативов при анафоре в итальянском тексте обычно выступают указательные местоимения (демонстративы) и определенный артикль. Разница в употреблении демонстратива и определенного артикля (далее — артикля) состоит в степени «восстанавливаемости» (ср. ит. *recuperabilità*) антецедента.

Если демонстратив, являясь по своей семантике дейктическим знаком, жестким десигнатором, выполняет функцию идентификации, прямо указывает на предтекст и отсылает лишь к одному референту, введенному в определенной точке общего для говорящего и адресата когнитивного пространства, то при артикле всегда возможны разные толкования. Это связано с тем, что артикль является наиболее общим по своему значению, семантически неотмеченным актуализатором имени и выполняет прежде всего задачу индивидуализации референта, а уже на ее осно-

---

* Рец.: проф. И.И. Чельшева (Институт языкознания РАН), ст. науч. сотрудник А.В. Топорова (ИМЛИ РАН).

ве — его идентификации. В то время как в артиклевых языках индивидуализация и, как следствие, идентификация единиц текста осуществляется с помощью артикля, в безартиклевых языках эту роль играет контекст [3. С. 122]. В русском тексте ИГ с артиклем соответствует скрытоопределенная ИГ.

Проблемам выбора детерминатива при повторе посвящена большая литература [11; 12; 14; 16; 18; 19; 21]. Подавляющее большинство работ, однако, построено на сконструированных *ad hoc*, коротких, лишенных контекста примерах, что не позволяет обратиться к собственно текстовым аспектам выбора анафора. Авторы часто ограничиваются констатацией допустимости/недопустимости тех или иных употреблений, делая акцент прежде всего на нормативной стороне проблемы и уделяя меньше внимания анализу смысла высказываний, в том числе — в случае допустимости обоих детерминативов. Однако, как справедливо отмечает С.А. Крылов, «адекватное описание детерминации может быть лишь в рамках грамматики, объектом которой являются не отдельные высказывания, а связные тексты» [6. С. 253].

Материалом для настоящего исследования послужили около 350 примеров, собранных в ходе анализа более восьмидесяти оригинальных текстов на двух языках и их переводов. Распределение функций между ИГ с указательным детерминативом и определенным артиклем (скрытоопределенной группой) имеет в итальянском и русском языках много общего, что было нами отмечено в работе [4]. Вместе с тем анализ корпуса примеров показывает, что в итальянских и русских текстах выбор детерминации часто не совпадает. В рамках данной статьи мы рассмотрим лишь некоторые типы анафорических конструкций.

2. Как в русском, так и в итальянском языке существует два основных указательных детерминатива: *этот-тот*, *questo-quello*. Разница между ними традиционно усматривается в близости (*этот*, *questo*) / удаленности (*тот*, *quello*) по отношению к говорящему. Не касаясь подробно различий между демонстративами, маркирующими проксимальность/удаленность референта, отметим, что только демонстративы проксимальной семантики могут употребляться в контекстах консигнативной анафоры, при которой текстовый антецедент отсутствует. Ср.:

— В **Ø** вагоне сидеть страшно...
(Пелевин).

A metà della navigazione verso la Tessa-
saglia, mentre i miei aguzzini si fermavano
su **questa** costa per cacciare... sono riuscito
a scendere... (Malerba)

Non poteva credere che sotto **questi**
stracci di mendicante si nascondesse il glo-
rioso padre Ulisse... (Malerba).

“A stare in **questo** vagone c’è da aver
paura...”

Во время плавания к берегам Фесса-
лии, когда мои надсмотрщики прича-
лили к **Ø** острову, чтобы поохотиться...
мне удалось бежать...

Он не мог поверить, что под **Ø** ни-
щенскими лохмотьями скрывается его
славный отец Одиссей...

Во всех итальянских примерах содержится прямое указание на то, что денотаты ИГ ‘вагон’, ‘остров’, ‘лохмотья’ находятся в зоне непосредственного наблюдения участников диалога, тогда как русский текст воспринимается более обобщенно и для его правильной интерпретации требуется знание ситуации. (Ср.: *В самолете лететь страшно, а ехать поездом — нет*).

Если в предыдущих итальянских примерах единственно возможным было употребление демонстратива *questo*, то в следующем возможны уже две интерпретации:

“Una borsa, dice. E cosa conteneva *questa* borsa? (D’Agata) — Сумка, говорите? А что было в $\emptyset$ сумке?

В момент разговора украденная *сумка* отсутствует, таким образом, возможна также отсылка к «удаленному» референту с помощью сочетания *quella* borsa. В оригинальном же тексте отсылка делается к речевому акту, и выражение *questa* borsa означает ‘та сумка, о которой мы сейчас говорим’.

Характерно, что русский текст по-прежнему выбирает имплицитный вариант отсылки с нулевым показателем, хотя в данном случае допустимы оба демонстратива. (Ср.: *А что было в этой сумке?* = *А что было в мой сумке?*).

Тот же тип отсылки, при котором языковой контекст выступает в роли ситуационного и говорящий (повествователь) предлагает слушающему (читателю) искать антецедент в предтексте, мы находим в следующем отрывке, представляющем собой своеобразную беседу автора с читателем:

С чудовищными усилиями [...] обзаводятся, например, девушки импортными сапогами. [...] А потом — демонстрация импортных сапог. [...] Иногда $\emptyset$ сапоги темнеют около вашей кровати... (Довлатов). Con sforzi mostruosi [...] queste signorine riescono ad esempio a procurarsi degli stivali di marca estera. [...] E poi si passa allo sfoggio dei suddetti stivali [...] A volte *questi* stivali ve li ritrovate accanto al letto...

В итальянском тексте денотативный статус ИГ ‘*stivali*’ во всех трех вхождениях выражен эксплицитно, ср.: *gli stivali di marca estera — suddetti* (вышеупомянутые) *stivali — questi stivali*. Употреблению детерминатива *questi* в третьем вхождении способствует перцептивная семантика глагола *ritrovare* в прономинальной форме с дательным заинтересованности (*vi*), что указывает на выход за рамки чисто нарративного режима. В русском оригинале ситуация описывается в целом, носит более обобщенный характер.

Если основная функция артикля — идентификация референтов, то для демонстратива это — реклассификация, установление связи между фрагментами текста. Ср. две реплики персонажа, разделенные текстовым пространством:

— Кума, а кума, — говорит медведь, — ты недолго ходи, а то я блины хочу печь. [...] — Comare, comare, non star via molto, perché voglio fare *le fritelle*. [...] — Это имечко и того лучше. Ну, теперь давай блины печь (*эти блины) (Сказки). — Questo nome è ancora più carino degli altri. Ora però facciamo *queste fritelle*.

Слово *блины* в первой фразе выделяется логическим ударением, в итальянском же тексте подобная выделенность кодируется определенным артиклем: ‘*le fritelle*’. Во второй фразе в пользу анафорической интерпретации ИГ ‘*блины*’ го-

ворит ее препозиция глаголу. Ср. более нейтральное высказывание ‘*давай печь блины*’, в котором дескрипция ‘*блины*’ приобретает генерализованное значение. В итальянском тексте допустимая в данном случае ИГ с артиклем воспринималась бы как отдельное высказывание вне связи с предтекстом. Однако каждое вхождение ИГ в итальянском тексте должно занять определенное место в иерархически организованном денотативном пространстве. Ср. в этой связи перевод того же существительного ‘*fritelle*’ в рематической позиции с неопределенной референцией, а также необходимость присутствия эксплицитных показателей референтного статуса в итальянском тексте и отсутствие таких показателей в русском:

La zia mi venne a chiamare perché assaggiassi *certe sue frittelle* (Ginzburg). Тетка позвала меня есть *Ø оладьи*.

Если в итальянском тексте элементом когезии часто является демонстратив, то в русском его аналогом может выступать причастие, представляющее собой свернутую пропозицию, отсылающую к предтексту. Ср.:

— Леша, хочешь, *правду* скажу? “L’ Joshua, vuoi che ti dica *la verità*?”
 — Говори *свою правду*, и пойдём... “Sì, poi andiamo...”
 — Ну, где *обещанная правда*? — “E allora, *questa verità*?” domandò
 спросил он с улыбкой (Маринина). con un sorriso.

Обещанная = ‘*та, которую ты обещал мне рассказать*’. Данный пример хорошо иллюстрирует то обстоятельство, что демонстратив всегда указывает на предикативные (эксплицитные или имплицитные) отношения между фрагментами высказывания, на наличие предикации в пресуппозиции говорящего. Характерно при этом, что итальянский текст предпочитает лексико-грамматический способ связи, тогда как в русском варианте предикативные отношения эксплицируются с помощью полнозначной лексемы.

3. В случае выбора нарративного режима, при котором все описываемое сосредотачивается «внутри» повествования, в итальянском тексте при анафорической отсылке, как правило, употребляется детерминатив *quello*. Ср.:

[Маша увидела] как из трех ответвлений дерева вышли *три прозрачных человека*... Она встала и пошла на встречу *Ø прозрачным людям*... (Пелевин).
 Maša... vide *tre figure trasparenti* emergere da tre rami di un albero ai limiti della radura. Si alzò e andò incontro a *quelle figure diafane*...

... А орудием труда у нее была кошелочка. Любила *Ø кошелочку* Авдотьюшка (Горенштейн).
 ...E il suo strumento di lavoro era *la sua piccola borsa* della spesa. Amava *quella borsa*...

Сравнив последний пример с приведенным выше, можно указать на разницу между двумя нарративными режимами, при которых употребляются соответственно демонстративы *questo* и *quello*. Ср.:

- (1) Il suo strumento di lavoro era *la sua borsa della spesa*. Amava *quella borsa*... (Gorenštejn).
- (2) *Una borsa*, dice. E cosa conteneva *questa borsa*? (D’Agata).

В обоих случаях исключена референция *ad oculis*, и мы имеем дело с равнолексемной анафорической отсылкой. В примере (1) предметом референции является объект внеязыковой действительности (*una borsa*), слушающий идентифицирует его с помощью анафорической отсылки к языковому выражению *la sua borsa della spesa*, которое является его антецедентом. Выбирая демонстратив *quella*, говорящий сообщает слушающему, что предмет референции удален от момента речевого акта, о чем свидетельствует и выбор прошедшего времени *imperfetto*. В примере (2) предметом референции является не объект внеязыковой действительности, а антецедентное языковое выражение *una borsa*. Употребляя демонстратив *questa*, говорящий указывает слушающему на близкое расположение данного языкового знака в дискурсивном пространстве. Такое употребление, характерное прежде всего для диалогических и нарративно-диалогических контекстов, иногда относят к дейксису текста [10]. Оба описанных типа анафорической отсылки: 1) анафора к удаленному в денотативном пространстве предмету/событию (ситуационный дейксис, демонстратив *quello*), 2) анафора к близкой в текстовом пространстве форме (текстовый дейксис, демонстратив *questo*) встречаются как в диалогических, так и в нарративных контекстах. При этом если предмет отсылки находится вне зоны восприятия участников диалога, обычно прибегают к «ситуационному дейксису», подчеркивая удаленность предмета речи. Ср., например, рассуждение об утерянных микрофильмах:

«— Forse non è vero che *quei microfilm* non interessino nessuno...»
(D'Agata)

— Значит, неверно, что **Ø** микрофильмы никого не интересуют.

Для нарративного режима, когда наблюдатель находится «внутри» текста (эндофорическая интерпретация), такой вид отсылки особенно характерен. Ср.:

Николай Васильевич не желал продолжать **Ø** спор (Трифонов).

Nikolaj Vasil'evic non aveva più voglia di continuare *quel discorso*.

(Абзац) И все же **Ø** его первый арест я воспринял довольно спокойно (Нагибин).

Tuttavia *quel suo primo arresto* lo vissi con una certa tranquillità.

В последнем итальянском примере демонстратив подчеркивает внутреннюю связь далекого события с автором. Отсутствие антецедента непосредственно в предтексте не позволяет употребить в данном контексте демонстратив *questo*. Напротив, в том же произведении сразу после пространного описания далекого лета, которое было наполнено важными и положительными для героя событиями, закономерно появление демонстратива *questo*, как бы приближающего описание далекого прошлого к читателю:

Все имеет конец — кончилось и **Ø** долгое иркутское лето (Нагибин).

Tutto ha una fine, e terminò anche *questa lunga estate* a Irkutsk.

Questo в данном случае — также элемент дейксиса текста («то лето, о котором я сейчас рассказываю»), о таком понимании говорит и актуализирующая контекст

общая сентенция с предикатом в гномическом настоящем времени [20. С. 64]:
Все имеет конец.

При переходе от прямой речи персонажа к авторскому комментарию наблюдается своего рода «цитация», которая регулярно оформляется в итальянском тексте демонстративом *quello*, подчеркивающим дистанцию между двумя нарративными планами. Ср.:

«О, великая даль, о, пронзительный зов твоей *флейты*». Нам было ясно, что *О флейта* не зовет Кругляка в великую даль (Гроссман).

“Oh grande lontananza, oh acuto richiamo *del tuo flauto*”. Per noi era chiaro che *quel flauto* non chiamava Krugljak in nessuna grande lontananza.

“Oh, meta lontanissima, oh, acuto richiamo *del tuo flauto*”... Sapevamo perfettamente che *quel flauto* non avrebbe richiamato Krugljak alla volta di qualche lontanissima meta.

«— ...*Спираль* идет кверху и вширь, нас выносит уже из ада на простор» *О Спираль* долго еще выносила Россию на простор... (Зайцев).

«— ...*La spirale* si espande in altezza e in larghezza, e ci sta già portando dall’inferno verso distese immense.» Già, *quella spirale* continuò ancora a lungo a condurre la Russia verso distese immense...

Характерно, что во всех, как нарративных, так и нарративно-диалогических контекстах, в русском тексте предпочтение отдается скрытоопределенной ИГ.

Поскольку основная функция демонстратива — идентификация, он обычно не используется в тексте для постоянного обозначения референта. В этом случае для поддержания референции используются личные местоимения и артикли, которые выступают как своего рода речевые имена собственные. Демонстратив, как правило, выступает «только в функции идентификации и при дальнейших указаниях на референт употребляться не может, если не требуется дополнительной идентификации с новым наименованием...» [3. С. 117]. Вместе с тем в итальянском тексте при «ситуационной» отсылке демонстратив ‘*quello*’ может повторяться. Ср., например, образ *шагов*, лейтмотивом проходящий через рассказ Тургенева «Старуха»:

И вдруг мне почудились *легкие, осторожные шаги* за моей спиной [...]

Я отвернулся и пошел своей дорогой. И вот опять слышу я за собою *те же легкие*, мерные, словно крадущиеся *шаги*. [...]

Я иду проворно... Но *О легкие шаги* по-прежнему шелестят за мной, близко, близко... (Тургенев).

E d’improvviso mi parve di sentire *dei lievi passi circospetti* alle mie spalle [...]

Mi voltai e me ne andai per la mia strada. Ed ecco che nuovamente odo dietro di me *quegli stessi passi leggeri*, misurati, quasi di soppiatto. [...]

Vado spedito... Ma *quei passi leggeri* come prima frusciano dietro di me, vicino...

Отсутствие указательного детерминатива наблюдается в русских текстах и при смене категоризации объекта, переходе от имени собственного к имени нарицательному:

Недавно просматривал «*Московские ведомости*» стосемидесятилетней давности — *О* газета небольшого формата сообщала известия из Франции... (Шкловский).

И еще удивительно: «*Двенадцать*» менее всего «произведение искусства». Это явление, происшествие [...]. И можно понимать *О* поэму как порыв в борьбе, отчаянную контратаку в жизненном сражении... (Зайцев)

В итальянских вариантах возможно употребление обоих демонстративов, конкретный же выбор обусловлен прежде всего временным планом: планом прошедшего, удаленного во времени в первом примере, и — планом настоящего, актуального, — во втором.

Такое же отсутствие показателя референции мы встречаем в русских текстах и при катафорическом употреблении, в то время как в итальянском варианте прямую речь предваряет детерминатив *questo*, единственно возможный в данном контексте. Ср.:

Сплетни у них начинаются *О* словами: «Один человек говорит...» (Шкловский).

На большой лестнице *О* картина: спускается Андрей Белый, в полуобморочном состоянии. Кругом шум, гам. Бердяев и моя жена поддерживают его под руки... (Зайцев).

В русских примерах здесь возможна не только скрытоопределенная группа, но и детерминатив такой, указывающий не на тождественность самих денотатов, а на тождественность их свойств [см. 2. С. 121 и след.], ср.: сплетни у них начинаются такими словами... на большой лестнице такая картина... В итальянском примере демонстратив *questo* может быть заменен на определенный артикль, но не на анафорический демонстратив *quello*.

4. Одним из следствий принадлежности демонстративов к жестким десигнаторам является то обстоятельство, что ИГ с демонстративом не допускают неопределенности в референции: референт с которому отсылает ИГ и референт в когнитивном пространстве говорящих должны полностью совпадать. Отсюда — неоднократно отмечавшаяся невозможность употребления демонстратива при имплицитной (семантической, ассоциативной) анафоре [16; 17]. Механизм ассоциативной анафоры основан на фоновых знаниях говорящих на стереотипах, позво-

Non molto tempo fa scorrevo le «*Notizie di Mosca*» di centosessant'anni fa. *Quel giornale* di piccolo formato riportava notizie dalla Francia...

E' sorprendente, inoltre, come *I dodici* non siano tanto un' "opera d'arte", quanto piuttosto un fenomeno, un evento [...]. *Questo poema* potrebbe anche essere inteso come un impeto battagliero, un contrattacco disperato nella lotta della vita...

I loro pettegolezzi cominciavano con *queste parole*: «Un omino dice...»

Sullo scalone ci apparve *questo quadretto*: Andrej Belyj che scendeva in stato di semiincoscienza, sorretto da Berdjaev e da mia moglie...

ляющих адекватно осуществлять референцию. Согласно многим авторам именно дейктический характер демонстратива, который всегда должен опираться в акте референции на контекст высказывания (*contex te d' énonciation* в терминологии Клебера), а не на общие фоновые знания, лишает его возможности употребления при ассоциативной анафоре. Ср. итальянский перевод неоднократно приводившихся примеров ассоциативной анафоры [17; 18 и др.].

Siamo arrivati in un paese. La chiesa era chiusa. (*questa chiesa)

Мы приехали в деревню. Церковь была закрыта. (*эта церковь)

Ieri c' è stato un matrimonio. La sposa portava un abito bianco lungo (*questa sposa).

Вчера была свадьба. Невеста была в длинном белом платье (*эта невеста).

Таким образом, при имплицитной анафоре антецедент не вербализован, но в анафоре содержится отсылка к нему и он «вычисляется» на основе предшествующего текста, либо энциклопедических знаний. Именно эту особенность можно считать общей для всех случаев имплицитной анафоры, к которой в литературе относят достаточно разнородные явления. Так, Е.В. Падучева, например, отмечает способность указательного детерминатива относиться к «такому объекту, наличие которого в описываемой ситуации вытекает из смысла слов, хотя этот объект и не назван никакой отдельной единицей поверхностного уровня»: *Продам мешок огурцов — на эти деньги курицу куплю* [8. С. 159]. С нашей точки зрения в данном случае следует говорить об особой разновидности имплицитной анафоры — *контекстной* анафоре.

5. При *ассоциативной* анафоре отсылка всегда основана на стереотипах, на внешнеситуационных факторах [6], на общем сценарии-фрейме [9], на некоторых типах координатных отношений типа часть—целое, родства, смежности т.п. [1. С. 21]. *Контекстным* же мы называем непрямой тип отсылки, при котором связь между антецедентом и анафóром опирается прежде всего на контекстные значения. Классическим примером контекстной анафоры в нашем понимании является структура, где антецедентом является предикатное выражение, а анафóром — отглагольное существительное, то есть антецедент и анафóр отличаются друг от друга только семантико-синтаксическим классом. Ср.:

Il lago è **gelato**, ma il **ghiaccio**
(= questo ghiaccio) è ancora troppo fra-
gile per pattinare.

Пруд **замерз**, но лед (= этот лед)
еще слишком тонкий, чтобы кататься
на коньках.

Стандартный характер отношений между эксплицитно не выраженным антецедентом и вербализованным в тексте выражением, его заменяющим (*пруд замерз = покрылся льдом*), позволяет рассматривать такой тип отсылки как промежуточный между эксплицитной (обычной) и имплицитной анафорой. Этот стандартный характер отношений основан на тесных лексических связях между антецедентом и анафóром (*solidarietà lessicale* по М.Е. Conte). Такой тип связи широко представлен в проанализированных нами текстах. Анализ примеров показал, что при прочих равных условиях, в ситуации определенности, когда связь между антецедентом и анафóром опирается на контекст, ИГ в повторе маркируются

в итальянском тексте демонстративом, тогда для русского текста более характерна скрытоопределенная ИГ:

Anche mia madre me lo chiedeva, mordendosi le labbra: perché *piangi*? [...] E io restavo zitto, non avevo risposta che potesse accontentarla, solo **quelle lacrime, quei singhiozzi** che mi crescevano nella pancia... (Lodoli)

...Зажглись фары автомобиля, который стоял у соседнего подъезда. Я оглянулся на **Ø свет**; (Гришковец)

[...из крепости ударили шрапнелью.] Думаю, что **Ø боевой выстрел** был случайным... (Шкловский).

Моя мать, кусая губы, спрашивала меня: ты почему *плачешь*? [...] Я молчал, потому что у меня не было подходящего ответа, одни только **Ø слезы, Ø горькие рыдания**, которые поднимались от живота к горлу...

...*Si accesero i fari* di un'altra macchina parcheggiata nell'arcata che portava al palazzo di fianco. Mi voltai verso **quella luce**...

[...dalla fortezza avevano sparato uno *shrapnel*.] Penso che **quello sparo** sia stato casuale...

Отметим, что имена действия или признака, представляющие собой номинализацию предиката предшествующего выражения, как правило, требуют сильной идентификации объекта, так что употребление демонстратива допустимо в этом случае в обоих языках [15]. В то же время анализ корпуса показывает, что в русском тексте при этом часто выбирается дополнительная лексическая конкретизация (ср.: *ударили шрапнелью* — *боевой выстрел*), либо, — другой детерминатив, чаще всего — посессив. Ср.:

Quando *visito* i frantoi dove si spremono le olive e si riempiono le anfore di olio verde <...> I contadini sono felici di **queste visite** (Malerba).

Вокруг *галдели* и *смеялись*, но **их голоса** до Фандорина долетали как-то неотчетливо (Акунин).

<...> В садах, окружающих город, куда *я хожу* каждую осень во время заготовки фруктов на зиму и винограда для вина <...>. Крестьяне так рады **моим приходам**...

Tutt'intorno *schiamazzavano e ridevano*, ma tutte **quelle voci** arrivavano a Fandorin in modo indistinto.

Связь между антецедентом и анафóром может возникать на основе постоянного признака или характерного действия объекта. Это еще одна разновидность контекстной анафоры, где антецедентом является предметное, а анафóром — предикатное имя. Ср.:

Vidi *la sveglia* sul comodino. Allora mi distesi sul letto e ascoltai **quei battiti metallici** che mi tenevano compagnia (Guerra).

Будильник стоял на комодe. Я лег на кровать и прислушался к **Ø металлическому тканью**, составившему мне компанию.

Употребление антецедента *будильник* имплицитно подразумевает ситуацию 'будильник *тикает*', вербальным коррелятом которой является ИГ 'металлическое тканье'.

К контекстной анафоре, возможной благодаря наличию связи между объектами, основанной на смежности, можно относить также следующие примеры, где

в итальянском варианте выбирается ИГ с демонстративом, а в русском — скрытоопределенная ИГ:

Dopo ho riempito *molte altre pergamene*, certe volte giorno per giorno...
Ma dicevo: fuggendo ho perduto *quelle carte* (Есо).

Посоветовавшись, жильцы вскрыли конверт и прочли вслух отпечатанную на пишущей машинке *Ø бумагу* (Гроссман).

Впоследствии я исписал кучу *других пергаментов*... Так вот, когда я бежал, я потерял *Ø записи*.

Dopo essersi consigliati tutti insieme sul da farsi, gli inquilini aprirono *la busta* e lessero ad alta voce *quel foglio* scritto a macchina.

Gli inquilini si consultarono, aprirono *la busta* e lessero ad alta voce *il foglio* dattiloscritto.

Если *пергамент* служит для письма, то в *конверт* обычно вкладывается *написанное*. В русском тексте скрытоопределенный референтный статус ИГ *бумага* и *записи* опирается исключительно на контекст. Подчеркнем, что различия в оформлении анафёра имеют статус речевой тенденции, не носят системного характера, что подтверждают два разных перевода на итальянский язык последнего примера.

Связь между антецедентом и повтором может быть основана не только на смежности, но и на сходстве. Так, в следующем примере образ ‘*сплошная стена*’ метафорически отсылает к понятию ‘*два смежных потока машин*’. Ср.:

Выбравшись на узкий тротуар, она оказалась между *двумя встречными потоками огромных грузовых машин*... Наконец, в *Ø сплошной стене кузовов* стали появляться просветы (Пелевин).

La ragazza raggiunse uno stretto marciapiede e si ritrovò tra *due flussi di enormi autocarri romboanti*... Finalmente *quella colonna interminabile* mostrò qualche spiraglio.

Если в итальянском тексте связность достигается с помощью анафорического указательного местоимения: *quella colonna interminabile*, то в русском — отсутствие грамматического показателя компенсируется лексически, с помощью зависимой ИГ-эпитета: *в сплошной стене кузовов*.

6. Чем более категориально широким является значение имени, тем легче эта ИГ сочетается с демонстративом. К именам с предельно широким категориальным значением относятся обобщенные наименования событий, действий, явлений действительности. Согласно наблюдению Е.В. Падучевой, такие существительные имеют семантический актанта «содержание» и демонстратив является «наиболее естественным средством выражения этого актанта» [8. С. 160].

Отметим, однако, что разные синонимичные слова «общего значения» могут по-разному сочетаться с детерминативами. Ср. примеры из [8. С. 159]: *Он ловил рыбу, и это занятие* (*занятие) *поглощало его целиком*. Но: *Она вышивала крас-*

ными нитками по воротнику мужской рубашки. **Работа** (? эта работа) была срочная (Чехов). Ср. также:

Coccolini... controlla se è esatto, poi stacca la ricetta e la consegna alla donna. Osservo **la cerimonia** commosso... (D'Agata)

Они были бы очень не против, если бы ты влез в **это дело** (Трифонов).

La nonna era disperata più di tutti; una volta... Ø staccò una casseruola dal muro e vi batté sopra con la chiave di casa. La signora le strappò di mano l'utensile dandole una spinta; la nonna cadde a sedere sulla sedia; non dimenticò mai l'**episodio** (Pratolini).

Кокколини... проверяет, не ошибся ли он, затем вырывает рецепт и вручает хозяйке. Я в волнении слежу за **этой церемонией**...

Non sarebbero stati affatto dispiaciuti, se tu fossi intervenuto **nella faccenda**.

Бабушка волновалась больше всех. Однажды... она сняла со стены кастрюльку и постучала о доньшко дверным ключом. Синьора вырвала кастрюльку и грубо толкнула бабушку; старуха упала на стул; она никогда не могла забыть **этого случая** (*случая).

По свидетельству информантов, артикль в итальянских примерах стилистически отмечен, а нейтральным и стилистически предпочтительным было бы употребление указательного местоимения. В то же время в русском тексте в последних двух примерах возможен только демонстратив. В контекстах с равнолексемной анафорой возможны оба типа детерминации. Ср.:

Для того, чтобы встретиться с Лениным, нужен был **случай**, и **этот случай** представился (Нусинова) (= случай).

Per incontrare Lenin ci voleva l'**occasione giusta**, e l'**occasione** si presentò (= quest'occasione).

Существительные типа *случай, факт, ситуация, fatto, incidente, episodio, caso* являются именами-контейнерами (ит. '*incapsulatori*', о роли этих слов в итальянском тексте см. [13]). В целом в русских примерах нашего корпуса ИГ с демонстративом встречается в подобных контекстах на 30% чаще, чем скрытоопределенная ИГ.

7. Сравнительный анализ показал, что при повторе в анафорических структурах в тех случаях, когда в русском тексте присутствует скрытоопределенная ИГ, в итальянском часто употребляется демонстратив. Соответственно, указательные местоимения часто опускаются при переводе с итальянского на русский. Употребление демонстратива, как правило, является способом дать дополнительную информацию о референте, выделить его по сравнению с прочими элементами экстенционала. По коммуникативной функции демонстратив можно сравнить с подчинительным союзом, который прямо указывает на характер логических связей между пропозициями, тогда как указательный детерминатив, будучи жестким десигнатором, прямо отсылает к антецеденту, усиливая тем самым связность текста.

В итальянском тексте введение демонстратива имеет как смысловую, так и формальную функцию. В формальном отношении текст становится более слитным, в смысловом — адресованным, поскольку демонстратив часто можно рассматривать как прагматический маркер присутствия говорящего в тексте. Демон-

стратив *questo* указывает на близость референта к когнитивному пространству говорящего и слушающего, демонстратив *quello* — на удаленность от него и на включенность в «мир текста».

В свою очередь, определенный артикль является более абстрактным знаком отсылки к предтексту, индивидуализации референта. В русском тексте чаще всего присутствует именно этот тип отсылки — скрытоопределенная ИГ. Это делает русский текст в смысловом отношении более «общим», а в формальном — менее связным. Подчеркнем, что выбор типа анафорической связи в значительной степени остается за говорящим и определяется той дискурсивной стратегией, которой он следует.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 13. — М.: Прогресс, 1982. — С. 3—18.
- [2] Богуславская О.Ю., Муравьева И.А. Механизмы анафорической номинации // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. — М.: Наука, 1987. — С. 78—128.
- [3] Вольф Е.М. Грамматика и семантика местоимения. — М.: Наука, 1974.
- [4] Говорухо Р.А. Некоторые особенности маркирования анафорических структур в итальянском и русском текстах // Романская филология. Сб. науч. тр. Института иностр. языков. Т. 7. — Екатеринбург, 2007. — С. 22—36.
- [5] Головачева А.В. Идентификация и индивидуализация в анафорических структурах // Категория определенности—неопределенности в славянских и балканских языках. — М.: Наука, 1979. — С. 175—203.
- [6] Крылов С.А. Детерминация имени в русском языке: теоретические проблемы // Семиотика и информатика. — Вып. 35. — М., 1997. — С. 244—271.
- [7] Падучева Е.В. Анафорические связи и глубинная структура текста // Проблемы грамматического моделирования. — М.: Наука, 1973. — С. 96—107.
- [8] Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. — М.: Наука, 1985.
- [9] Селезнев М.Г. Референция и номинация // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. — М.: Наука, 1987. — С. 64—78.
- [10] Conte M.-E. Deissi testuale e anafora // Sull'Anafora, Atti del seminario, Accademia della Crusca. — Firenze, 1981.
- [11] Conte M.-E. Dimostrativi nel testo: tra continuità e discontinuità referenziale // Lingua e stile. — N 1. — Bologna, 1996. — P. 135—145.
- [12] Corblin F. Les désignateurs dans les romans // Poétique 54. — 1983. — P. 199—211.
- [13] D'Addio Colosimo W. Nominali anaforici incapsulatori: un aspetto della coesione lessicale // Dalla parte del ricevente: percezione, comprensione, interpretazione. — Roma: Bulzoni, Atti SLI 26. 1988. — P. 143—151.
- [14] Ducrot O. Dire et ne pas dire. — Paris: Hermann, 1972.
- [15] Fici Giusti F. Nowakowska, M. I nomi predicativi della ripresa anaforica. Un confronto tra gli operatori testuali in russo, in polacco e in italiano // Determinatezza e indeterminazione nelle lingue slave. — Padova: Unipress, 1996. — P. 77—98.
- [16] Hawkins J.A. Definiteness and Indefiniteness: a study in reference and grammatically prediction. — London: Croom Helm, 1978.
- [17] Isenberg H. Riflessioni sulla teoria del testo // La linguistica testuale. — Milano: Feltrinelli, 1977. — P. 167—211.

- [18] *Kleiber G.* Adjectif démonstratif et article défini en anaphore fidèle / Éd. J. David et G. Kleiber. *Determinants: syntaxe et sémantique.* — Paris: Klincksieck, 1986. — P. 169—185.
- [19] *Marandin J.-M.* Ce est un autre. L'interprétation anaphorique du syntagme démonstratif // *Langages* 81. — Paris, 1986. — P. 75—89.
- [20] *Renzi L. Salvi G.* (a cura di) *Grande grammatica italiana di consultazione.* — V. 2. — Bologna: Mulino, 1991.
- [21] *Vanelli L.* Dimostrativi e articoli: deissi e definitezza // *Dialettologia e varia linguistica.* Per Manilo Cortelazzo. Padova: Unipress, 1989 (Quaderni patavini di linguistica. Monografie, 6) — P. 369—381.

DETERMINATIVE CHOICE IN CASE OF ANAPHORA IN THE RUSSIAN AND THE ITALIAN LANGUAGES

R.A. Govorucho

Russian-Italian Center RSUH
Chajanova str., 15-7, Moscow, Russia, 125267

The present paper looks at the formation of anaphoric structures in Russian and Italian languages, focusing on usage trends. The fundamental differences are shown to be in the choice of the determinative, which in turn defines the degree of linguistic coherence of text elements.

Key words: indicating determinatives, the definite article, nominative group, anaphoric relations.

REFERENCES

- [1] *Arutjunova N.D.* Lingvisticheskie problemy referencii // *Novoe v zarubezhnoj lingvistike.* — Vyp. 13. — M.: Progress, 1982. — S. 3—18.
- [2] *Boguslavskaja O. Ju., Murav'eva I.A.* Mehanizmy anaforicheskoj nominacii // *Modelirovanie jazykovej dejatel'nosti v intellektual'nyh sistemah.* — M.: Nauka, 1987. — S. 78—128.
- [3] *Vol'f E.M.* Grammatika i semantika mestoimenija. — M.: Nauka, 1974.
- [4] *Govoruho R.A.* Nekotorye osobennosti markirovanija anaforicheskikh struktur v ital'janskom i russkom tekstah // *Romanskaja filologija.* Sb. nauch. tr. Instituta inostr. jazykov. — T. 7. — Ekaterinburg, 2007. — S. 22—36.
- [5] *Golovacheva A.V.* Identifikacija i individualizacija v anaforicheskikh strukturah // *Kategorija opredelennosti—neopredelennosti v slavjanskih i balkanskih jazykah.* — M.: Nauka, 1979. — S. 175—201.
- [6] *Krylov S.A.* Determinacija imeni v russkom jazyke: teoreticheskie problemy // *Semiotika i informatika.* — Vyp. 35. — M., 1997. — S. 244—271.
- [7] *Paduceva E.V.* Anaforicheskie svjazi i glubinnaja struktura teksta // *Problemy grammaticheskogo modelirovanija.* — M.: Nauka, 1973. — S. 96—107.
- [8] *Paduceva E.V.* Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'ju. — M.: Nauka, 1985.
- [9] *Seleznev M.G.* Referencija i nominacija // *Modelirovanie jazykovej dejatel'nosti v intellektual'nyh sistemah.* — M.: Nauka, 1987. — S. 64—78.